

12+

ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВ

Колобок в стране лилипутов

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК НЕ ДАТЬ
СЕБЯ СЪЕСТЬ — ДАЖЕ КОГДА ТЫ
УЖЕ В ЧУЖОЙ ТАРЕЛКЕ

Евгений Юрьев

**Колобок в стране лилипутов.
История о том, как не дать
себя съесть — даже когда
ты уже в чужой тарелке**

«Издательские решения»

Юрьев Е.

Колобок в стране лилипутов. История о том, как не дать себя съесть — даже когда ты уже в чужой тарелке / Е. Юрьев — «Издательские решения»,

Он был просто хлебом, испечённым на забаву старикам. Но страх быть съеденным толкнул его в большой мир. Оказавшись в стране лилипутов, Колобок становится не гостем, а «объектом шестьдесят четыре» — идеальным оружием в бессмысленной войне из-за того, с какого конца разбивать яйцо. Его измеряют, взвешивают, приучают убивать. Но даже у хлеба есть душа. Сможет ли он остаться собой, когда от него ждут только одного — катиться и крушить? Пронзительная антиутопия по мотивам русской сказки.

© Юрьев Е.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Побег	7
Глава 2. Берег	9
Глава 3. Инвентаризация	12
Глава 4. Император	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Колобок в стране лилипутов История о том, как не дать себя съесть — даже когда ты уже в чужой тарелке

Евгений Юрьев

© Евгений Юрьев, 2026

ISBN 978-5-0071-1871-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Сначала был не свет и не тьма, а жар. Он шёл отовсюду: снизу, сверху, с боков. Жар лип к телу, заставлял кожу трескаться, а нутро закипать.

Потом пришло прикосновение. Чужое, грубое, оно сжало его со всех сторон, сдавило так, что он едва не лопнул. Мир перевернулся. Вокруг был холод. Ветер, густой и резкий, ударил в лицо, и Колобок впервые понял: он есть. Он существует. Он лежит на чём-то твёрдом, холодном и смотрит в бесконечное серое небо. Первая мысль, которая пришла в его голову, была не о побеге. Она была о страхе.

Потому что из-за закрытой двери доносились голоса. Два голоса, низкий и высокий. Они спорили. Он не понимал слов, но различал интонации: глухое нетерпение, шарканье шагов, скрип половиц. А потом дверь открылась.

Старик стоял на пороге и смотрел на него. Взгляд был оценивающий, цепкий, точно старик прикидывал, сколько в этом круглом теле съедобного. Колобок лежал неподвижно, хотя всё внутри него сжалось в тугую ком. Он тогда ещё не знал слова «съесть», но уже понял его смысл без перевода.

Старуха за спиной старика что-то сказала. Голос у неё был тихий, но в нём слышалось недовольство. Старик махнул рукой и отошёл. Они не тронули его сразу: то ли ждали, когда остынет, то ли просто ленились.

Колобок остался один. Под ним лежал холодный подоконник. За спиной был сад, огромный, как мир. Он слышал, как поют птицы, как шумят деревья, как где-то далеко лает собака. Жизнь звала его туда, где нет жара, нет цепких рук и нет голодных взглядов.

Но страх никуда не делся. Он свернулся внутри, как клубок ниток.

Тогда Колобок впервые услышал её. Она была не снаружи, а внутри. Не песня даже, а ритм: «Прыг, скок, прыг, скок». Сердце, которого у него не было, застучало чаще. Он подкатился к самому краю, посмотрел вниз. Земля была далеко, но твёрдая. Там не было ни стариков, ни печи, ни подоконника. Там был лес.

— Испечём да съедим, — повторил он вслух, примеряя к себе чужие слова. Пальцы, которых у него тоже не было, сжались бы сейчас в кулаки.

Он спрыгнул.

Глава 1. Побег

Колобок упал неудачно. Острая грань крыльца впилась в бок, и он отлетел в крапиву. Раньше он не знал, что такое боль. Теперь понял: это когда всё твоё тело кричит разом. В боку осталась глубокая вмятина, края корочки потемнели и нагрелись. Крапива жгла маслянисто, противно, и он поскорее выкатился на утоптанную дорожку.

Он не стал оглядываться на избу. Зачем смотреть туда, где тебя держали на окне, как кусок ветчины? Дорога была узкая, пыльная, с колдобинами. Колобок катился по ней, подпрыгивал на камнях, и каждый толчок отдавался где-то в глубине. Страх не прошёл, но теперь к нему примешивалось нечто новое, злое, жгучее. Обида.

— Я от вас ушёл, — шептал он в такт движению. — Я сам.

Лес начинался внезапно. Сначала редкие кусты, потом осины с дрожащими листьями, потом чёрный ельник, где пахло сыростью и грибами. Тропа оборвалась. Колобок въехал в мягкий мох и замер. Здесь было тихо, так тихо, что слышно было, как по его поверхности оседает пыль. Он прислушался. Впереди что-то шевельнулось.

Заяц вышел из-за валежника бесшумно. Сначала Колобок увидел только длинные уши, потом круглый тёмный глаз, потом нос, который быстро двигался, втягивая воздух. Заяц был огромный. Не такой, как дед, но всё равно пугающе живой, с острыми резцами и напряжёнными лапами. Он смотрел на Колобка не как на чудо, а как на хлеб. Голодный взгляд. Точно такой же был у старика.

— Стой, — сказал Заяц хрипло, будто давно не говорил. — Ты кто?

Колобок не ответил. Он уже катился назад, чувствуя, как мох пружинит под ним. Заяц прыгнул, но промахнулся: вмятина в боку сделала Колобка непредсказуемым, он резко вильнул в сторону и понёсся вниз по склону.

— погоди! — заорал Заяц. — У меня дома пусто!

Голос его отстал, растворился в шуме листвы. Колобок летел вниз, не разбирая дороги. Ветки хлестали его по лицу, мох и грязь забивались в трещину на боку. Он перепрыгнул через корягу, проскочил под упавшим стволом. Впервые он понял, что его тело — это не только еда. Это машина для бега. Лёгкая, быстрая, бесстрашная.

Через какое-то время он остановился на опушке. Заяц не преследовал. Колобок тяжело дышал, хотя рта у него не было. Он просто втягивал воздух всей своей пористой корочкой. Вкус у леса был горький. Он огляделся: высокие травы, цветы, бабочки. Мир равнодушно занимался своими делами.

Вечером он встретил Волка.

Это был не тот страх, что с Зайцем. Заяц пугал голодом. Волк пугал спокойствием. Он просто сидел на тропе, склонив голову набок, и ждал. Шерсть у него была сваливающаяся, на морде старые шрамы. Он смотрел на Колобка с ленивым интересом сытого хищника, который всё равно не откажется от десерта.

— Забавный, — произнёс Волк. — Катишься, песенки поёшь. Знаю я вас, хлебных.

— Не подходи, — сказал Колобок.

Волк зевнул. Пасть у него была розовой, влажной, с жёлтыми клыками. Он встал, потянулся. Колобок бросился влево, но Волк уже был там. Тогда Колобок метнулся вправо, влево, снова вправо, и это сбilo Волка с толку. Тот щёлкнул зубами у самого бока, но не ухватился: корочка выскользнула, как ледышка.

Дальше была погоня. Колобок нёсся вниз по оврагу, Волк прыгал за ним, тяжело, хрипло дыша. Колобок влетел в заросли шиповника и проскочил насквозь, оставив на шипах кусочки румяной корочки. Волк взвыл сзади и отстал. Колобок выкатился на берег ручья, упал в воду и чуть не захлебнулся. Он не умел плавать, но вода сама понесла его вниз по течению.

Камни били его. Вода затекала в трещину на боку, и та саднила всё сильнее. Колобок вертелся, крутился, его окунало с головой. Он уже не бежал, не сопротивлялся. Он плыл, потому что у него не осталось сил.

Ночь накрыла лес. Вода вынесла его на широкую протоку, потом на песчаную отмель. Колобок лежал на песке, мокрый, тяжёлый, с размокшей коркой. В груди что-то скрипело. Он попробовал двинуться и не смог. Тело отяжелело, точно налилось свинцом.

Он лежал и смотрел в небо, где звёзды, холодные и чужие, смотрели на него в ответ. Страх не ушёл. Он притаился где-то глубоко, в самом сердце мякиша. Но вместе с ним появилось и другое, новое, упрямое чувство: Колобок был жив. И пока он жив, он будет катиться.

Он не заметил, как отключился. Слишком много было воды, шума и чужих клыков. Когда сознание вернулось, солнце стояло высоко. Песок жёг спину. Вокруг пахло солью и чем-то гнилым. Колобок пошевелился. Боль не ушла, но тело слушалось.

Он с трудом перевернулся и открыл глаза.

Вокруг стояли они. Маленькие фигурки, не выше травинки, с копьями и щитами. Их были десятки, сотни. Они смотрели на него, и в их глазах не было голода Зайца или лени Волка. В них было изумление и ужас.

Один из них, в островерхом шлеме, шагнул вперёд, поднял копьё и закричал тонким, как комариный писк, голосом. Колобок не понял слов, но разобрал интонацию: приказ.

Сотни крошечных копий поднялись в воздух.

Колобок не стал убегать. Он слишком устал. Вместо этого он медленно, со скрипом, сел. — Тише, — сказал он. — Я не ем маленьких.

И упал обратно на песок.

Глава 2. Берег

Песок был горячий и липкий. Колобок лежал на спине и смотрел, как небо медленно светлеет. Где-то сбоку шумело море: тяжело, ровно, без конца. Каждая волна накатывала с глухим вздохом, точно огромный зверь дышал во сне.

Он не знал, сколько пролежал так. Может, час, может, три. Солнце поднялось выше и теперь жгло прямо в лицо. Корочка на боках потрескалась от соли и начала стягиваться. Особенно болела старая вмятина на правом боку, которую оставил угол крыльца ещё в прошлой жизни.

Его нашли не сразу. Сначала до него донеслись голоса: тонкие, отрывистые, чужие. Они звенели, как рассыпанные булавки. Колобок приоткрыл глаза и увидел силуэты. Крошечные, не больше кузнечика, они ползли по дюне цепочкой, указывали в его сторону короткими палочками и боязливо пятились. Он не шевелился. У него не было сил, но, кроме того, было любопытство. Впервые его не пытались съесть с ходу, а рассматривали издалека.

Потом из-за песчаного гребня выехала повозка. Её тащили две серые мыши, запряжённые в упряжь. На повозке стоял человек в блестящем шлеме и длинном тёмном плаще. Он держал в руке не копьё, а тонкую трубку, на конце которой поблескивало стеклышко.

— Объект шестьдесят четыре, — произнёс он звонко, и остальные человечки тут же притихли. — Диаметр неизвестен. Поверхность зернистая, с очагами повреждений. Зафиксировать.

Колобок моргнул. Человек вздрогнул, но не отступил. Остальные попадали на песок и закрыли головы руками. Только тот, в плаще, остался стоять, хотя трубка в его руке дрогнула.

— Оно живое, — сказал он тише, уже без приказного тона. — Приготовить сети.

Колобок приподнял голову. Движение вышло медленным, тяжёлым, точно он просыпался от долгого сна. Вода всё ещё сидела внутри, в мякише, и при каждом движении в теле что-то чавкало. Он хотел сказать, что не причинит вреда, но из груди вырвался только сдавленный хрип. Тогда он просто посмотрел на них.

Они смотрели в ответ. В их глазах не было ни любопытства, ни злобы. Был холодный расчёт. Так смотрят на раненого быка крестьяне, которые понимают: сейчас он опасен, но завтра станет мясом.

— Почему вы такие? — спросил Колобок.

Голос его прозвучал глухо, как сквозь подушку. Песок под ним просел, и несколько человечков, стоявших ближе остальных, отпрыгнули в стороны. Тот, в плаще, снова поднял трубку.

— Говорит, — произнёс он, — зафиксировать. Объект обладает речевым аппаратом. Поднять жгутовые команды. Пусть готовят балки.

Они спорили, пока Колобок лежал на солнце. Он слышал обрывки фраз: «не накормим», «вес критический», «если раздавит». Потом появились новые человечки, с верёвками и длинными гибкими шестами. Они работали быстро, слаженно, без лишних слов. Верёвки полетели на него, лёгкие, как паутина, но их было много. Они опутали его тело, стянули запястья, которых у него не было, перехватили бока. Колобок не сопротивлялся. Внутри было пусто и гулко, как в брошенном доме.

— Не надо, — сказал он, когда верёвки легли поперёк лица. — Я сам докачусь, куда надо.

Никто ему не ответил. Тогда он замолчал и закрыл глаза.

Его везли долго. Сначала по песку, потом по широкой утоптанной дороге. Пахло пылью, навозом и каким-то резким маслом. Колобок чувствовал тряску, но не открывал глаз. Ему было всё равно. Усталость накрыла его, как тёмная вода. Только один раз он приподнял веки и увидел стену. Настоящую каменную стену с башнями и воротами, но такую маленькую, что его голова не прошла бы в ворота, даже если бы он встал боком.

— Они построили крепость, — пробормотал он и снова провалился в сон.

Очнулся он в прохладе. Где-то рядом тихо переговаривались. Голоса звучали иначе: более глухо, спокойно. Под спиной было что-то шершавое, похожее на спрессованную солому. Колобок открыл глаза и увидел над собой каменный свод. Свет падал из узких окон, в которых не было стёкол.

Он лежал в огромном помещении, явно построенном для кого-то большего, чем лилипуты. Пол был выложен плитами, кое-где потрескавшимися от времени. Вдоль стен стояли деревянные клетки, пустые, с ржавыми засовами. У дальней стены застыли четверо стражников с алебардами. Они смотрели на него, стараясь не шевелиться.

Колобок сел. Тело заскрипело. Корочка на спине лопнула ещё в одном месте, и на солому посыпались крошки. Стражники переглянулись.

— Эй, — тихо позвал Колобок. — Воды дайте. У меня внутри солоно.

Один из стражников, совсем молодой, с прыщавым подбородком, дёрнулся бежать, но старший схватил его за плечо.

— Стой. Приказ был: не приближаться, пока не явится советник.

— Так оно же пить просит, — неуверенно сказал молодой.

— Оно просит. Значит, оно разумно. Тем более стой.

Колобок услышал этот обмен и впервые за долгое время почувствовал нечто, отдалённо похожее на усмешку. Они боялись его, но боялись и друг друга. Это было незнакомое чувство — быть тем, кого боятся.

Ворота заскрипели. В зал вошёл низенький человечек в тёмно-синем балахоне, расшитом серебряными нитями. Он опирался на резную трость, а на груди у него висел круглый медальон с изображением расколотого яйца. За ним семенили двое писцов, тащивших за собой восковые дощечки.

— Меня зовут Грант, — произнёс человечек, остановившись на безопасном расстоянии. — Я главный советник по внешним угрозам. Вы находитесь под защитой короны. Ваше тело временно закреплено за государством.

Колобок склонил голову набок.

— За государством, — повторил он. — А за мной что закреплено?

Советник не моргнул.

— Право на жизнь. Пока вы полезны.

Он повернулся к писцам и принялся диктовать описание: форма тела, цвет, видимая площадь повреждений, реакция зрачков, характер речи. Голос у него был ровный, как у человека, который считает монету, не глядя на неё. Колобок слушал молча. Он не знал слова «унижение», но чувствовал, как внутри что-то медленно сжимается.

Потом советник задал вопрос, который Колобок запомнил навсегда.

— Скажите, вас можно резать без потери функциональности?

Тишина повисла в зале. Даже писцы перестали скрипеть палочками. Колобок смотрел на советника, и тот смотрел на него. Без страха, без злобы, с тем же ледяным интересом, с каким Заяц разглядывал его на лесной тропе.

— Нет, — ответил Колобок. — Нельзя.

— Жаль, — произнёс советник. — Это упростило бы задачу.

Он повернулся и вышел. Стража снова замерла. Колобок остался один. В окно, узкое и далёкое, падал косой луч света. В нём кружились пылинки. Колобок смотрел на них и думал о том, что самое страшное в этой стране — не копы, не верёвки и даже не ножи. Самое страшное — когда тебя рассматривают как вещь и не видят в этом ничего плохого.

Ночью за стеной кто-то запел. Песня была тихая, протяжная, на незнакомом языке. Колобок лежал на соломе и слушал. Ему вдруг остро захотелось, чтобы кто-нибудь рядом просто сел и ничего не говорил. Не считал, не измерял, не выносил вердиктов. Просто посидел.

Но никто не пришёл.

Глава 3. Инвентаризация

Утро началось не с солнца, а с лязга засова. Колобок не спал, только лежал с открытыми глазами, привыкая к тому, что больше не катится. Тело затекло, хотя ног у него не было. Корочка на спине прилипла к соломе и теперь отходила с тихим треском, как береста от бревна.

В зал вошли пятеро. Все в серых балахонах, с капюшонами, надвинутыми низко на лица. Впереди шагал тощий человечек с длинным носом и восковой дощечкой в руках. За ним двое несли деревянные ящики, ещё двое — мотки верёвок и тонкие стальные палочки, похожие на вязальные спицы.

— Объект шестьдесят четыре, — произнёс тощий, не глядя на Колобка. — Этап второй: измерение, взвешивание, оценка состояния внешних покровов и внутренней структуры.

Колобок не шевельнулся.

— Я не дамся, — сказал он.

Тощий поднял голову. Глаза у него были бесцветные, как вода после дождя. Он не выказал ни страха, ни любопытства.

— Вас никто не будет трогать грубо, — сказал он. — Мы только зафиксируем параметры. Это необходимо для понимания вашей природы. Без этого вы останетесь угрозой.

— Угрозой, — повторил Колобок. — А если я откажусь?

Тощий моргнул.

— Тогда совет будет вынужден рассмотреть вариант консервации.

Он произнёс это так буднично, что Колобок не сразу понял смысл. Только когда двое в балахонах откинули крышки ящиков, и внутри блеснули длинные ножи с тонкими лезвиями, до него дошло. Консервация — это когда его перестают спрашивать.

— Хорошо, — сказал он севшим голосом. — Мерьте.

Они подошли не сразу. Сначала выставили вокруг него маленькие треножки с натянутыми нитями. По этим нитям, как пауки, поползли писцы с линейками. Они выкрикивали цифры, а тощий записывал. Колобок слышал слова «высота», «ширина», «окружность». Они пахли пылью и скукой.

Потом пришла очередь касаний. Один из серых, с узкими руками в перчатках, подошёл вплотную и прижал к боку Колобка холодную полоску металла. Колобок вздрогнул. Полоска оставила на корочке мокрый след.

— Проба на плотность, — объяснил тощий. — Не двигайтесь.

Пальцы в перчатках поползли по его поверхности. Они были сухие, цепкие, как птичьи лапки. Колобок зажмурился. Ему казалось, что его лижут сотни муравьёв. Мерзкое чувство поднималось от низа к горлу, сдавливало, мешало дышать. Он хотел закричать, но только сжался изнутри.

— Внутреннее сопротивление высокое, — произнёс один из серых. — Под коркой плотный слой. Местами сухой.

— Зафиксировать, — отозвался тощий. — Переходим к акустике.

Тогда Колобок заговорил. Не потому, что хотел, а потому, что тишина была ещё невыносимее, чем касания.

— Я не вещь, — сказал он. — Я был в лесу. Я слышал, как поют птицы. Я чуть не умер в реке. У меня есть страх. Если у меня есть страх, значит, я есть.

Серые замерли. Тощий опустил дощечку.

— У большинства животных есть страх, — спокойно ответил он. — Это не делает их личностью в правовом смысле.

— А что делает?

— Свободный выбор, закреплённый в акте волеизъявления. А вы, насколько нам известно, только убегали и падали. С точки зрения закона, это не акт, а реакция.

Колобок не нашёл, что ответить. Он вдруг понял: они не злые. Они хуже, чем злые. У них есть логика, и эта логика перемалывает его мягкое нутро в труху.

Измерения продолжались до полудня. Его кололи спицами, простукивали палочками, смазывали горькими растворами, чтобы понять, как корка реагирует на кислоту. Один раз он дёрнулся слишком резко и сбил с ног писца. Тот упал навзничь и закричал, а остальные отскочили. Колобок замер.

— Прости, — сказал он. — Я не хотел.

Писец, лежа на полу, смотрел на него дикими глазами. В них плескался ужас, которого Колобок не видел даже у Зайца. Тогда он впервые понял: он стал монстром не потому, что кого-то убил, а потому, что может это сделать. Всего лишь может. И этого достаточно.

После измерений его оставили в покое. Принесли воду в длинном корыте, похожем на поилку для скота. Колобок пил жадно, захлёбываясь. Вода текла по подбородку, по бокам, впитывалась в трещины. Боль в боку ненадолго отступила.

Под вечер явился Грант. Тот самый советник с медальоном. Он встал в дверях, не заходя внутрь, и долго смотрел на Колобка, склонив голову.

— Вы задали хороший вопрос, — произнёс он наконец. — Про то, что значит быть.

— Я не задавал его вам.

— Неважно. Я думал над ним до утра. Император желает видеть вас. Завтра в полдень состоится аудиенция. Вам следует подготовиться.

— Как готовятся к аудиенции?

— Учат правила. Например, не двигаться быстро. Не повышать голос. Не смотреть в глаза императору дольше трёх ударов сердца.

— А если нарушу?

Советник помолчал.

— Тогда мы вернёмся к вопросу о консервации. Только уже без вашего присутствия.

Он развернулся и ушёл. Колобок снова остался один. За окном смеркалось. Где-то вдалеке, за стеной, снова запел тот же голос, что и вчера. Песня была всё та же: протяжная, с перепадами, точно плакал ребенок, который не знает, куда деть свою тоску.

Колобок прижался затылком к холодной стене. Камень был шершавый и влажный. От него пахло временем. Он закрыл глаза и представил, что снова катится по лесу, и ветер свистит в ушах, и никто не меряет его линейкой. Но вместо леса перед глазами вставал зал, серые балахоны и острые спицы.

Тогда он сделал то, чего не делал ни разу с момента прыжка с подоконника. Он заплакал. Без слёз, без всхлипов. Просто сжался весь, как смятый лист, и затих.

А за стеной всё пели.

Глава 4. Император

Утром его разбудили стражники. Не те, что стояли у дверей с алебардами, а другие, в начищенных кирасах и шлемах с плюмажами из конского волоса. Они вошли строем, чеканя шаг, и остановились в нескольких шагах от соломенной подстилки.

— Подъем, — произнёс старший. — Через два часа выезд.

Колобок не сразу понял, что обращаются к нему. Он лежал, уткнувшись лицом в солому, и слушал, как в теле медленно просыпается боль. После вчерашних измерений бока саднили, а там, где его мазали горьким раствором, корка потемнела и вздулась пузырями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.